

Военное строительство

Новый этап военно-технического сотрудничества России и Китая

© 2018

М.Г. Евтодьева

В статье анализируются военно-техническое сотрудничество России и Китая в 1992–2013 гг., а также особенности нового этапа этого сотрудничества, начавшегося в 2014 г. В качестве ключевых характеристик последнего обозначены высокая заинтересованность КНР в закупках у России новейших систем вооружений, освоении и трансфере новых технологий. Значительное внимание уделено рассмотрению влияния политических факторов на состояние военно-технического сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: Россия, Китай, военно-техническое сотрудничество, продажи вооружений и военной техники, исследования и разработки, трансфер технологий, защита интеллектуальной собственности.

DOI: 10.31857/S013128120000156-2

Россия продолжает активно развивать «всеобъемлющее партнерство» и «стратегическое взаимодействие» с Китайской Народной Республикой¹. Военно-техническое сотрудничество (ВТС) России и Китая является одним из главных компонентов российско-китайского стратегического сотрудничества, отражающее как военно-политические, так и экономические интересы двух государств. Хотя формы и содержание ВТС, а также динамика и объемы закупок КНР российских вооружений и военной техники (ВиВТ) существенно менялись на протяжении последних двух с половиной десятилетий, Китай в течение всего постсоветского периода оставался крупнейшим покупателем российских систем вооружений, а Россия сохраняла за собой роль главного поставщика ВиВТ для Китая². Закупки вооружений и другие составляющие военно-технического сотрудничества при этом значительно влияли на ход модернизации вооруженных сил и оборонно-промышленных комплексов обеих стран, процессы развития и трансфера технологий, а косвенно — и на внешнеполитические и военные доктрины и стратегии России и КНР.

В 2014 г. в результате украинского конфликта, за которым последовало введение западными странами экономических санкций против России, началась «переориентация

Евтодьева Марианна Георгиевна, кандидат политических наук, руководитель группы глобализации военно-экономических процессов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН).
E-mail: marianna133@mail.ru.

на Восток» российской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии. При этом для России и Китая открылись новые возможности для углубления как военно-технического, так и военно-политического сотрудничества.

Эволюция ВТС России и Китая в 1992–2013 гг.: от тесного партнерства к спаду в продажах вооружений

Большинство исследователей выделяет в сфере военно-технического взаимодействия России и Китая 1992–2013 гг. три ключевых этапа³. Критериями для такой классификации служат, с одной стороны, динамика объемов продаж вооружений (выручки от осуществленных поставок), с другой — специфика приоритетных направлений этого сотрудничества и его выстраивания по различным стадиям разработки и производства военной техники.

В рамках первого периода (1992–1999) было заключено и реализовано достаточно большое число соглашений о закупках ВиВТ, а Китай был вторым по счету после Индии крупнейшим покупателем российских обычных вооружений⁴. Характерной особенностью этого этапа ВТС являлось то, что китайская сторона в основном закупала готовые системы вооружения, разработка которых начиналась еще, как правило, в советский период. Только к концу этого этапа военно-техническое сотрудничество России и Китая стало развиваться на более широких основах — заключались соглашения по лицензионному производству, осуществлялись совместные проекты в сфере разработок военной техники. Так, российская сторона передала Китаю лицензии по Су-27СК, в результате в китайском Шэньяне с 1998 г. было организовано производство этих истребителей под обозначением F/J-11⁵. Российские специалисты приняли участие в разработке проектов китайских истребителей J-10, JF-17 и учебного самолета L-15⁶, а также активно занимались подготовкой командных и военно-технических кадров для китайской армии (согласно заключенному в 1999 г. соглашению).

За период 1992–1999 гг. Россия поставила в Китай 45 истребителей Су-27СК и 2 истребителя Су-27УБК, 10 военно-транспортных самолетов Ил-76М, 60 вертолетов Ми-8/ Ми-17 и 7 вертолетов Ка-27ПЛ, 4 подводных лодки (2 — проекта 877Е и 2 — проекта 636Е), а также 4 (по другим данным, 6) дивизиона системы ПВО С-300МПУ-1⁷. Объемы продаж ведущих систем обычных вооружений в обозначенный период (здесь и далее по этому показателю приводятся данные СИПРИ, базирующиеся на динамике показателя тренда по поставкам вооружений) варьировали в пределах от 0,5 и ниже, до 1,45 млрд долл. в год (рис. 1).

В рамках второго этапа сотрудничества (2000–2006) произошло как значительное увеличение стоимости, так и повышение степени сложности заключаемых контрактов по закупкам вооружений. Объемы доходов от поставок ВиВТ в этот период значительно возросли и стали составлять до 2,5–3 млрд долл. в год, при этом Китай вышел на 1-е место среди других крупнейших покупателей российских вооружений.

В 2000–2006 гг. в сфере авиатехники Китаем были, в частности, приобретены еще 28 истребителей Су-27СК (к тому же к 2007 г. было поставлено 105 комплектов для их лицензионной сборки), около 100 истребителей Су-30 МКК/МК2, 75 вертолетов Ми-8/ Ми-17, а также 54 авиадвигателя АЛ-31ФН для комплектования истребителей; в сфере военно-морских вооружений — 4 эсминца проекта 956Э/ЭМ и 8 ДЭПЛ проекта 636Е; в сфере средств противовоздушной обороны — дополнительно 4 дивизиона системы ПВО С-300ПМУ-1. Помимо этого, Китай получил из России большие партии авиационного управляемого вооружения, торпеды, комплексы береговых РЛС, огневые и радиолокационные станции и зенитные ракетные системы корабельного базирования, а также приобрел или производил по лицензии управляемые артиллерийские снаряды, минометы, системы залпового огня и другие вооружения для сухопутных сил.

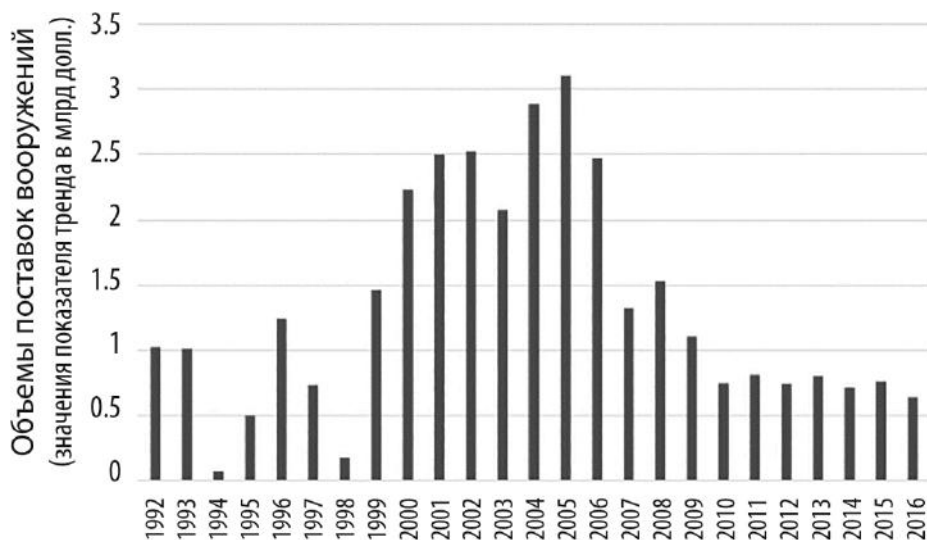

Рис. 1. Динамика поставок российских вооружений в Китай, 1992–2016 гг.

Примечание: Значение тренда является разработанным СИПРИ показателем, в котором находят отражение ежегодные объемы поставок, но не точная стоимость продаж при поставках вооружений.

Источник: *China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. US-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. March 20, 2017. P. 13.*

Большая часть поставленных КНР в 1992–2006 гг. ВиВТ относились к 3-му (как подлодки проекта 636Е) и 4-му поколению (как самолеты Су-30МКК/МК2). Несмотря на то, что часть из них стала уже устаревать к началу второго десятилетия XXI века, в целом столь масштабные закупки различных категорий российских ВиВТ помогли Китаю значительно улучшить степень оснащенности своей армии современными вооружениями и повысить оборонный и наступательный потенциал Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

После 2006 г. наступил период охлаждения и некоторого кризиса в российско-китайском военно-техническом сотрудничестве, который продлился до 2013–2014 гг. Этот кризис нашел выражение как в значительном спаде продаж вооружений, так и в противоречиях, связанных с актуализацией ряда проблем и различиями в оценках и видении перспектив двустороннего взаимодействия в военно-технической сфере. Китай в 2004–2005 гг. ожидал отмены европейского эмбарго на поставки вооружений и товаров двойного назначения, рассчитывая усилить «диверсификацию» в сфере технологического сотрудничества за счет взаимодействия с западными странами⁸. Эмбарго, однако, не было отменено — во многом ввиду активного противодействия Соединенных Штатов таким попыткам⁹. Россия во второй половине 2000-х годов также придерживалась преимущественной ориентации на создание «технологических альянсов с западными странами» (термин Д. Медведева), делая акцент на активном развитии с ними международной промышленной кооперации и инвестиционного сотрудничества (в авиастроении, космосе, ряде других отраслей). В определенной степени эти тенденции затронули и сферу оборонных закупок (соглашение по «Мистралям» и др.)¹⁰.

В 2004–2005 гг. по инициативе Пекина были отменены ранее заявленные контракты либо приостановлены переговоры по ряду закупок ВиВТ. Так, Китай не заказал второй полк многоцелевых истребителей Су-30МК2, отказался от поставки еще около

100 машинокомплектов для Су-27СК, а также от закупок палубных истребителей Су-33¹¹. Тем не менее благодаря длительным срокам реализации заключенных контрактов по ВиВТ общий уровень вырученных средств до 2007 г. оставался достаточно высоким. Рубежным стал 2007 год — с него начался спад поставок российских вооружений Китаю, и на 1-е место по закупкам российских ВиВТ вновь вышла Индия. Объем выручки от поставок Китаю вооружений в 2007–2008 гг. сократился до 1,3–1,5 млрд долл. в год, а в период 2009–2015 гг. не поднимался выше 0,8 млрд долл. в год. В целом в 2007–2016 гг. доходы от экспорта российских вооружений Китаю сократились по сравнению с десятилетием 1997–2006 гг. (период роста продаж) в 2–2,2 раза.

Если говорить о ключевых закупках, то в 2007–2013 гг. Китаю и Российской Федерации удалось достичь договоренностей о поставках КНР 12 военно-транспортных самолетов Ил-76МД и 4 самолетов-заправщиков Ил-78, 9 вертолетов Ка-27 и 9 вертолетов Ка-32, а также о передаче КНР 16 дивизионов ЗРК С-300ПМУ-2 и ракет для их оснащения. Решающее значение имели также заключенные контракты на поставку КНР около 500 ед. авиадвигателей — турбовентиляторных АЛ-31 различных модификаций (для истребителей J-10 и J-11) и двухконтурных турбореактивных Д-30 (для модернизированных дальних бомбардировщиков Н-6К). Общая стоимость контрактов по двигателям составляла около 2 млрд долл., а их продолжающиеся закупки в таких больших количествах стали фактически признанием того факта, что у КНР сохраняются довольно значительные пробелы в сфере разработки и производства собственных авиадвигателей, вследствие чего и отдается предпочтение более надежным российским технологиям¹².

В целом, как обозначенная номенклатура закупок вооружений, так и ход переговоров по вопросам ВТС начиная со второй половины 2000-х годов продемонстрировали, что Пекин *перестал быть заинтересованным в закупках больших партий, по сути, устаревающих систем вооружений у России и в гораздо большей степени проявляет интерес к новейшим системам вооружения и к развитию и освоению новых технологий*. Еще в конце 2010 г., в ходе визита в КНР тогдашнего министра обороны РФ А. Сердюкова, китайская сторона выразила намерение приобрести у России истребители поколения 4++ Су-35 и новейшие средства ПВО — зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) С-400. Тогда же, по данным СМИ, начались и переговоры о возможности покупки у РФ дизельэлектрических подводных лодок 4-го поколения типа «Лада» (в экспортном варианте — «Амур-1650»).

Россия, однако, не была готова к этому «сдвигу в спросе» на рынке вооружений. Сыграли свою роль и соображения, связанные со снижением уровня доверия к китайским партнерам. Следует также упомянуть о ставшей очень острой к концу 2000-х годов проблеме «копирования» (в том числе — обратного инжиниринга) российских систем вооружений Китаем. Так, по оценкам экспертов, китайские истребители J-11В в значительной степени копируют Су-27СКМ, самолеты КJ-2000 построены на базе Ил-76МД, подводные лодки Yuan Type 41 созданы на основе российской подлодки 877 Kilo, ЗРК HQ-9 — на основе С-300¹³. В китайском самолете-невидимке J-20 4-го (согласно ряду западных экспертов, 5-го) поколения также неофициально использовались некоторые российские наработки. Подозрения в нарушении прав интеллектуальной собственности (ИС) российских производителей, а также стремление Китая к закупкам ряда российских образцов вооружений очень малыми партиями (ввиду заинтересованности, в первую очередь, в заимствовании технологий) вызвали у Москвы сомнения относительно выгодности скорейших поставок новых систем вооружений Пекину. Наряду с указанными соображениями, сделать паузу в поставках на экспорт последних российскую сторону заставил также взятый в рамках формирования нового облика Вооруженных сил и новой Госпрограммы вооружений (ГПВ-2020) курс на приоритетное оснащение современными и перспективными образцами ВиВТ российской армии.

Изменения российской позиции в 2014 г.: два вектора

В 2014 г. в позиции российской стороны по вопросам продаж вооружений и ВТС с Китаем стали происходить существенные сдвиги. Вследствие введения западными странами санкций, которые затронули финансово-кредитную сферу и ряд ключевых отраслей экономики, в первую очередь — оборонный сектор, была отменена большая часть контрактов с компаниями США и европейских стран в оборонной сфере, в том числе по поставкам или совместной разработке вооружений и военной техники или их компонентов¹⁴. Взяв курс на активизацию сотрудничества в экономической, оборонной и технологической сферах с ключевыми странами Азиатско-Тихоокеанского региона (так называемая политика поворота к Азии)¹⁵, Российская Федерация стала более активно развивать взаимодействие с КНР в военной и военно-технической областях при ясном понимании того, что ситуация на китайском рынке вооружения изменилась, и Пекин будет интересоваться в первую очередь новейшие российские вооружения и технологии¹⁶.

В 2014–2015 гг. Россией и Китаем после нескольких лет сложных переговоров были подписаны соглашения по поставкам в КНР 24 самолетов Су-35 и 6 дивизионов ЗРК С-400¹⁷, общая стоимость этих контрактов составляет около 5 млрд долл. (по Су-35 контракт заключен на 2 млрд долл., по С-400 — на 3 млрд долл.) Таким образом, они ознаменовали собой новый этап подъема в продажах вооружений и военной техники Китаю.

Также в 2014 г. в «Рособоронэкспорте» подтвердили информацию о переговорах с КНР по поставкам неатомных подводных лодок «Амур-1650». Ранее средства массовой информации сообщали, что «Рособоронэкспорт» подписал рамочный контракт с китайской стороной о совместном проектировании и строительстве четырех таких подлодок, две из которых должны были быть построены в России, и две — в Китае¹⁸.

Помимо сферы торговли вооружениями, новый вектор российской политики — если рассматривать его в аспекте «поворота к Китаю» — нашел выражение в активном развитии других ключевых направлений российско-китайского военно-экономического и военно-политического сотрудничества. Речь идет *об увеличении общего количества и усложнении и расширении сфер охвата военных учений с участием двух стран, более активном развитии контактов между министерствами обороны и ведомствами, курирующими ВТС и оборонно-промышленный комплекс, а также, в более широком плане — о стимулировании как в Москве, так и в Пекине ориентации на более тесную производственную кооперацию и сотрудничество в сфере научных исследований и разработок (НИР) оборонного и двойного назначения.*

Контакты между министерствами обороны и ведомствами, курирующими оборонный комплекс, осуществляются как в рамках двусторонних переговоров по конкретным проектам и контрактам в сфере ВТС (в них участвуют, в первую очередь, представители российско-китайской комиссии по военно-техническому сотрудничеству), так и в рамках различных международных организаций и форматов взаимодействия, включая структуры ООН, БРИКС, ШОС, АСЕАН и ряд международных форумов (форум Шанхай, Московские конференции по безопасности и др.) С 2014 г. число взаимных контактов, ориентированных на обсуждение оборонных и военно-технических вопросов, возросло. Увеличилась и численность военнослужащих, участвующих в совместных военных учениях (всего за последние 15 лет их было проведено более 25). Следует особо выделить две «линейки» совместных учений — антитеррористические учения «Мирная миссия», проводимые под эгидой ШОС, и двусторонние морские военные учения «Морское взаимодействие» (МВ). Последние, что очень важно, позволили китайским и российским военно-морским силам оперировать в новых для себя стратегически важных с точки зрения международной безопасности зонах, таких, как Средиземное море («МВ-2015») и Балтийское море («МВ-2017») — для Китая, или Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря — для России («МВ-2014» и «МВ-2016»). Кроме того, с 2016 г. стали

проходить российско-китайские учения нового формата — командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность», ориентированные на укрепление совместного сотрудничества в области ПВО/ПРО, включая планирование совместных операций. В ходе этих учений, состоявшихся в декабре 2017 г. в Пекине, отрабатывались вопросы взаимодействия группировок ПВО/ПРО России и Китая по совместному отражению ракетных угроз со стороны «третьих» стран.

Начиная с 2014 г. появился также ряд признаков, указывающих на усиление технологического сотрудничества между российскими и китайскими компаниями, прежде всего в сфере НОКОР оборонного и двойного назначения. Так, в 2015 г. Китайская корпорация авиационной промышленности (AVIC) и АО «Вертолеты России» подписали рамочное соглашение о сотрудничестве по проекту передового тяжелого вертолета на базе Ми-26, за которым последовало межправительственное соглашение о сотрудничестве по этой программе. В эту программу будут преимущественно направляться китайские инвестиции, а «Вертолеты России» разработают техническое предложение и отдельные системы перспективного вертолета (всего для Китая планируется построить не менее 200 новых вертолетов к 2040 г.) В июне 2016 г. В. Путин и Си Цзиньпин подписали межправительственное соглашение о совместной разработке, производстве, коммерциализации и послепродажном обслуживании нового дальнемагистрального широкофюзеляжного самолета (ШФМДС, китайское название — CR 929). По некоторым оценкам, совокупные инвестиции в проект могут составить от 16 до 20 млрд долл.¹⁹

В 2014–2017 гг. китайскими и российскими оборонно-промышленными компаниями и исследовательскими центрами были заключены и другие соглашения по различным направлениям сотрудничества. В частности, в декабре 2015 г. были подписаны Меморандум о взаимопонимании между Китайским авиационным исследовательским институтом (CARI) и российским Центральным институтом авиационного моторостроения (ЦИАМ) по сотрудничеству в области развития технологий авиадвигателей, а также соглашение между Китайским национальным космическим управлением (CNSA) и российской корпорацией «Роскосмос» по разработке и производству компонентной базы космического назначения и применению навигационных технологий в рамках систем GLONASS и Beidou²⁰. Госкорпорацией «Ростехнологии» и ее дочерней компанией «Росэлектроника» в 2014 г. были также достигнуты соглашения с AVIC²¹, Китайской корпорацией аэрокосмической науки и техники (CASC)²² и Китайской корпорацией электронных технологий (CETGC)²³. Они охватили сферы сотрудничества в области самолетостроения, вертолетостроения, двигателестроения, материалов для авиации, авионики, разработки и производства электронной компонентной базы, развития информационных технологий, систем связи и двойных технологий.

Оценивая в целом намеченные векторы укрепления военно-экономического и военно-политического сотрудничества России и КНР, следует отметить, что на практике высокая динамика взаимодействия в одной из этих сфер может оказывать существенное влияние на другую, и наоборот. Например, активизация контактов между военными и оборонно-промышленными структурами или проведение новых учений может способствовать заключению новых контрактов по закупкам и/или разработкам вооружений, и наоборот. Однако ключевой, на наш взгляд, вопрос, состоит не столько в особенностях этого влияния, сколько в том, *на какой из этих двух сфер сотрудничества — военно-политической или военно-экономической — Россия сумеет сделать основной акцент в своем стратегическом курсе «поворота к Азии».*

Сложность ответа на него заключается в том, что для российского экспертного сообщества более привычным и «традиционным» является восприятие стратегического партнерства с Китаем, прежде всего, через призму военно-политического сотрудничества и наращивания объемов торговли оружием, которые, в свою очередь, могут обеспечить и соответствующий рост политического влияния РФ в АТР. В то же время экспертные

оценки относительно того, как следует развивать партнерство с Китаем в высокотехнологических отраслях и в сфере новых технологий, гораздо менее проработаны. В дискуссиях на эту тему в основном обозначаются общие и достаточно очевидные задачи, которые следует решить российской стороне: привлекать инвестиции, предотвратить копирование российских технологий, «придать импульс инновациям в российском ОПК» с помощью расширения и углубления ННПК с КНР²⁴. Между тем развитие военно-экономического сотрудничества с КНР может быть осложнено целым рядом проблем, включая такие, как: а) диспропорциональность модели двусторонней торговли с Китаем (в рамках которой роль России сведена к поставкам сырья); б) усиление зависимости РФ от китайской экономики — высокая заинтересованность в притоке инвестиций, прежде всего в нефтегазовую отрасль²⁵, а также в закупках станков, оборудования, микропроцессоров; в) преимущественное участие в двустороннем экономическом взаимодействии ограниченного числа государственных компаний, достаточно низкая вовлеченность напрямую частного бизнеса. К ним добавляются проблемы обеспечения защиты интеллектуальных прав и увеличения числа случаев наложения западными странами санкций на китайские компании, взаимодействующие с российским бизнесом²⁶. Однако модель укрепления чисто военно-политических элементов сотрудничества с КНР таит в себе еще больше негативных сторон. Заключаются они в возможностях консервации на длительный срок указанных неблагоприятных трендов в экономическом взаимодействии двух держав²⁷ при одновременном почти ничем не компенсируемом росте угроз, связанных с наращиванием военно-стратегической мощи Китая.

Оценки нового этапа военно-технического сотрудничества России и Китая

По оценкам военных специалистов, с помощью систем С-400, поставки которых в КНР начались в 2018 г., Китай сможет значительно расширить радиус обеспечения действия своей системы ПВО с 200–250 км (максимальная дальность поражения С-300ПМУ2) до 400 км — вплоть до охвата всей территории Тайваня, а также воздушного пространства над значительной частью Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, в том числе над спорными островами Сэнкаку/Дяоюйдао, контролируемые Японией. Оснащенные более современным радаром, способные реагировать на 80 одновременно обстреливаемых целей и интегрированные со средствами РЭБ, С-400 также позволят значительно усилить китайскую опознавательную зону противовоздушной обороны (*Air Defence Identification Zone, ADIZ*), развертыванию которой активно противодействовали США и их союзники в регионе²⁸.

К числу технологических преимуществ российских Су-35, в отличие от истребителей 4-го поколения J-11, находящихся на вооружении ВВС НОАК, относятся новый комплекс авионики (на основе цифровой информационно-управляющей системы), новая радиолокационная станция «Ирбис-Э» с фазированной антенной решеткой, большая дальность обнаружения воздушных целей (до 400 км) и увеличенное число одновременно сопровождаемых целей. Су-35 также обладает усиленными стелс-возможностями и возможностями РЭБ и оснащен новыми двигателями И17С с увеличенной тягой и поворотным вектором тяги. Получение истребителей Су-35, как считается, позволит НОАК не только использовать их в целях укрепления системы ПВО, но и улучшить технологические характеристики новейшего истребителя J-20, принятого в 2017 г. на вооружение в КНР.

Технологическими преимуществами ДЭПЛ «Лада», которые представляются наиболее важными для Китая, являются малозаметность этой подлодки²⁹, увеличенная дистанция обнаружения целей, примененные на ней новые технологии по снижению заметности субмарин, оснащенность уникальным гидроакустическим комплексом. В рам-

ках этого проекта Китай, по всей видимости, может также выиграть за счет выгодных условий технологической кооперации: так, не менее 30% комплектующих в подлодках «Лада»/«Амур» могут быть китайского производства, и эти подлодки могут быть оснащены ВНЭУ иностранного производства, произведенной, видимо, в Китае³⁰.

Соглашения по С-400 и Су-35, наряду с проектами ШФДМС и перспективного тяжелого вертолета, входят в так называемый президентский список приоритетных совместных проектов, реализуемых Россией и КНР. Для России, помимо непосредственных выгод от реализации крупных контрактов по поставкам вооружений и осуществлению совместных НИОКР, а также демонстрации (за счет содействия укреплению противовоздушной обороны Китая) «стратегического ответа» Вашингтону на развертывание ПРО в Южной Корее, они откроют возможности для расширения промышленной и технологической кооперации и инвестиционного сотрудничества с Китаем. При этом открытым остается вопрос, будет ли активизация совместного военно-политического и военнотехнического сотрудничества способствовать более тесному сближению Москвы и Пекина вплоть до создания полноценного военно-стратегического альянса двух стран. По этому поводу как в западных, так и в российских экспертных кругах преобладают мнения, что последнее вряд ли возможно. В том числе потому, что Россия в Азии ведет достаточно сложную и многостороннюю «игру», стремясь определенным образом сбалансировать «стратегическое партнерство» с Китаем поддержанием тесных экономических и военно-политических связей и активным развитием ВТС с Индией и Вьетнамом, а в последнее время — налаживанием экономического и политического сотрудничества с Южной Корей и Японией³¹.

Если же рассматривать военно-экономические составляющие активно развивающегося сотрудничества с КНР, следует отметить, что в этом плане ключевыми вопросами будут оставаться вопросы о защите интеллектуальной собственности, условиях передач технологий и ограничений, накладываемых на них в рамках государственного регулирования, а также вопросы моделей инвестиционного взаимодействия и производственной кооперации.

Говоря о некоторых превалирующих тенденциях в этой сфере, подчеркнем, что с российской стороны будет продолжаться повышаться внимание к проблемам контроля за передачами технологий и защиты ИС, это обусловлено в том числе недоработками, которые были допущены в этом плане ранее. Так, согласно ряду экспертных оценок и анализу, предпринятому российскими государственными структурами после 2014 г., многие технологии и системы вооружения, которые, как считалось, были незаконно скопированы Китаем в 1990-е и 2000-е годы, на самом деле были получены на основании легитимных контрактов с китайскими оборонными компаниями ввиду общего слабого регулирования технологических обменов в РФ³².

Повышение роли регулирующей составляющей за последние несколько лет нашло выражение в подписании в 2012 г. Российской Федерацией нового соглашения с КНР в области защиты ИС в развитие соглашения по защите интеллектуальной собственности 2008 г., а также в том, что в последние годы по большинству отдельно взятых соглашений с КНР по продажам вооружений и их совместному производству стали заключаться дополнительные соглашения по защите ИС. Такое соглашение было, в частности, заключено в 2015 г. в связи с продажей Су-35 КНР. Еще одним примером стало подписание в 2016 г. и последующая ратификация соглашения о защите ИС в сфере ракетно-космических технологий³³. Поскольку в сфере ракетных технологий достаточно сложное регулирование, в первую очередь связанное с экспортным контролем, такое соглашение может открыть перспективы для соответствующего трансфера технологий. В том числе, видимо, и в том, что касается широко обсуждаемого вопроса о возможностях передачи Китаю технологий ракетных двигателей РД-170 и РД-180 (последними оснащаются аме-

риканские ракеты Atlas 5, но США рассматривают вопрос о прекращении закупок РД-180 в качестве «элемента санкций»³⁴.

В целом перспективы развития сотрудничества в технологической сфере с Китаем можно оценить как более благоприятные, чем пять-десять лет назад. В первую очередь это связано с тем, что руководством КНР в последние годы взят курс на ужесточение политики в сфере защиты ИС в целях улучшения инвестиционного климата и возможностей дальнейшего технологического развития страны³⁵.

Следует ожидать, по всей видимости, и большей детализации и усложнения лицензионных соглашений, включая соглашения по лицензионному производству, которые будут заключаться с контрагентами из Китая. Это обусловлено тем, что предметом соглашений будут выступать теперь преимущественно новейшие российские системы вооружений и технологии, тогда как ранее, напротив, они заключались в основном по достаточно давно разработанным системам вооружений и/или же касались ВиВТ, не отличающихся очень высокой сложностью (артиллерийские установки, РСЗО, самоходные гаубицы и др.)

Между тем фиксируется и тренд, связанный с сохранением достаточно высокой «степени защиты» ключевых российских оборонных технологий и технологий двойного назначения. Наиболее чувствительные для развития отечественного оборонного комплекса технологии, будут, очевидно, запрещаться к передаче Китаю в форме соответствующих соглашений по лицензионному производству или иным способом, помимо продаж готовых изделий. Примерами в этом плане являются технологии авиационного двигателестроения, создания систем ПВО/ПРО и ряд других.

* * *

В целом ключевые события, зафиксированные в сфере военно-технического сотрудничества России и Китая в 2013–2017 гг., указывают на состоявшийся переход к новому этапу этого сотрудничества. Он характеризуется не только ростом объемов продаж ВиВТ (учитывая не очень большое число новых контрактов, этот рост вряд ли может оказаться значительным), но также новыми контрактами в области НИОКР и большим вниманием к вопросам передач технологий. Учитывая давно наметившуюся тенденцию перехода КНР к избирательным закупкам новейших образцов вооружений и техники, далее соглашения по закупкам, видимо, будут касаться преимущественно небольших и высокотехнологичных систем и новейших разработок по основным ключевым сегментам ВиВТ, к которым Китай продолжает сохранять интерес (военное авиастроение, двигателестроение, военно-морские вооружения и комплексы, системы ПВО/ПРО и ряд других).

По сравнению с военно-экономическими факторами, влияние на развитие ВТС России и Китая военно-политических факторов пока продолжает играть главенствующую роль. Курс на «поворот к Азии» нашел выражение прежде всего в укреплении военно-политического взаимодействия России с Поднебесной (учения, военное и военно-политическое сотрудничество в рамках международных организаций и форумов). Между тем, несмотря на существующие сложности (слабость ряда компонентов российской инновационной системы, неравномерность структуры торговли с КНР), России следует воспользоваться открывшимся окном возможностей для налаживания более тесных военно-экономических связей с Китаем. В целях более детальной проработки возможностей такого сотрудничества Российская Федерация могла бы опереться как на зарубежный опыт партнерств в оборонной и военно-технической сфере и сфере трансфера технологий, так и на уже имеющийся опыт реализации соглашений в области НИОКР, лицензионного производства и передач технологий с Индией и рядом других ключевых стран — партнеров по ВТС.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/as-set_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
2. China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. US-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. March 20, 2017. P. 12. Стоимость закупленных Китаем у России в 1992–2006 гг. вооружений и военной техники оценивается рядом экспертов приблизительно в 26 млрд долл. А за период 2008–2012 гг. Китай, согласно данным СИПРИ, закупил у РФ обычных вооружений на сумму 5, 15 млрд долл., тогда как общий объем закупок вооружений КНР в указанный период составлял 7, 483 млрд долл.
3. Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР/ Центр анализа стратегий и технологий; Российский ин-т стратегич. исслед. М., 2013. С. 155–156.
4. Bromley M., Holtom P., Perlo-Freeman S., Wezeman P.D. Recent Trends in the Arms Trade. SIPRI Background Paper. April 2009. URL: <http://www.unidir.org/files/medias/pdfs/recent-trends-in-the-arms-trade-sipri-eng-0-139.pdf>
5. Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Указ. соч. С. 144–154. Кроме того, в КНР было организовано лицензионное производство корабельной артиллерийской установки АК-176, реактивной системы залпового огня 9К58 «Смерч», боевого отделения самоходной гаубицы 2С19М1 «Мста-С», боевого модуля «Бахча-У» для бронетанковой техники, комплексов управления танкового вооружения 9К116–1 «Бастион» и 9К119М «Рефлекс-М», миномета 2С23 «Нона-СВК» и ряда других вооружений сухопутных войск.
6. Кравченко А. Россия в небе Китая. URL: <http://rostec.ru/news/4515009/>
7. Здесь и далее приводятся сведения по поставкам ВиВТ Китаю из базы данных СИПРИ по поставкам обычных вооружений. См.: SIPRI Database on transfers of major weapons. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers>
8. Клименко А.Ф. Российско-китайское военное сотрудничество. URL: <http://www.siaa.ru/?pg=2&id=152903&type=3&page=0&hd=>
9. Подробнее о попытке снятия эмбарго ЕС в отношении Китая в 2004 г. и о роли США в сохранении этого эмбарго см.: Ежегодник СИПРИ 2005: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2006. С. 442–446.
10. Евтодьева М. Кризис системы военного и военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами // Разоружение и безопасность 2013–2014. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 146–150, 157–158.
11. Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы / под ред. Н.И. Калининой. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 155–156.
12. China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. US-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. March 20, 2017.
13. Евтодьева М. Указ. соч. С. 153–155.
14. Там же. С. 157–158.
15. Mankoff J. Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? // Asia Policy. 2015. № 19. P. 65–87.
16. Москва и Пекин пока не будут заключать новых договоров по военно-технической сфере. URL: https://vpk.name/news/44752_moskva_i_pekina_poka_ne_budut_zaklyuchat_novyih_dogovorov_po_voennotekhnicheskoi_sfere.html
17. China makes advance payment for S-400 air defense system delivery. TASS. March 11, 2016. URL: <http://tass.com/defense/861706>; Петров И. Крылья на экспорт // Российская газета. 19.11.2015.
18. Киселева Е. На китайских берегах «Амуры» // Коммерсант. 20.12.2012.
19. Попов М. Самолет на \$20 млрд. URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2018/04/10/536197.html>
20. Роскосмос. Участие в 20-й встрече глав правительств России и Китая. URL: <https://www.roscosmos.ru/21874/>
21. Ростех и AVIC заключили соглашение о сотрудничестве. URL: <http://rostec.ru/news/4515000/>
22. «Ростех» подписал соглашение с китайской аэрокосмической корпорацией (пресс-релиз). URL: http://rostec.ru/content/files/press-rel/press-release_Rostec_CASC.pdf
23. «Росэлектроника» продолжает сотрудничество с китайскими коллегами. URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2014/08/18/301469.html>

24. *Смирнова Л.Н.* Россия — Китай: 20 предложений для экономического, научного и гуманитарного партнерства. М.: Российский совет по международным делам (РСМД), 2014.
URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-20-predlozheniy-dlya-ekonomicheskogo/>
25. China-Russia Military-to-Military Relations: Moving Toward a Higher Level of Cooperation. US-China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. March 20, 2017. P. 12.
26. *Кашин В.* Валдайская записка № 44. Промышленная кооперация — путь к сопряжению российской и китайской экономик. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/11763/>
27. Там же.
28. Комплексы С-400 (сопряженные с ними системы управления) могут также интегрировать различные зональные системы ПВО, включая системы С-300ПМ1/ПМ2, «Тор-М1», «Панцирь-С1». См.: Зенитная ракетная система С-400 «Триумф». URL: <http://nevskii-bastion.ru/s-400-tm-2014/>
29. Ряд экспертов, однако, считают, что информация о малой шумности подлодки «Лада» сильно преувеличена, поскольку российские разработчики пока не сумели создать эффективную воздушонезависимую энергетическую установку (ВНЭУ) для этой подлодки, которая могла бы обеспечить низкие параметры шумности. См.: *Roblin S.* Why Russia's New 'Stealth' Submarine Have a Big Problem // The National Interest. 2017. October 30.
30. *Киселева Е.* Указ. соч.
31. *Mankoff J.* Op. cit.; *Karaganov S., Bagchi I.* China and Russia are quasi allies... On strategic affairs Russia and India have serious conversations only at top level // The Times of India. 28.02.2018.
32. *Gabuev A.* Friends with Benefits? Russia-Chinese Relations after the Ukraine Crisis. URL: http://carnegieendowment.org/files/CEIP_CP278_Gabuev_revised_FINAL.pdf; *Kashin V.* Selling S-400s to China: A New Front in the Cold War? URL: <http://carnegie.ru/2015/04/27/selling-s-400s-to-china-new-front-in-cold-war/ik1m>.
33. Утверждено российско-китайское соглашение о защите интеллектуальной собственности в сфере ракетно-космических технологий. URL: <http://agat-rosocosmos.ru/novosti-otechestvennih-smi/utverzhdno-rossiysko-kitayskoe-soglashenie-o-zashchite-intellektualnoy-sobstvennosti-v-sfere-raketn/>
34. Россия и КНР подпишут соглашение о защите ракетных технологий // Известия. 24.04.2016.
35. Новое в защите интеллектуальной собственности в Китае в 2012 г.
URL: <http://www.korpusprava.com/ru/publications/analytics/novoe-v-zashite-intellektualnoy-sobstvennosti-v-kitae-v-2012-g.html>; China Must Enhance Protection of Intellectual Property Rights: Premier Li. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2017-11-22/china-must-enhance-protection-of-intellectual-property-rights-premier-li>